

Новые исследования киргизской эпической традиции

Семен С. Макаров

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Москва, Россия, semion.makarov@gmail.com*

Аннотация. Обзор включает рецензии на две монографии по киргизской эпической традиции, изданные в последние годы на русском языке в Республике Кыргызстан. Первая работа написана исследователем и популяризатором эпоса «Манас» Т.А. Бакчиевым и посвящена традиционному институту сказителей-манасчи. В монографии рассматриваются фольклорные представления о сказительском даре, этапах становления и обучения сказителя, а также некоторые современные аспекты исполнения текста трилогии. Книга обобщает предыдущие исследования в этой области и содержит новые этнографические и биографические данные. Во второй работе фольклорист и литературовед Н.Х. Бекмухамедова исследует сюжет памятника и подробно рассматривает мотивы снов и видений героев в эпосе «Манас». С опорой на репрезентативный корпус записей автор последовательно анализирует особенности текстового выражения и символику мотивов снов и видений персонажей эпоса, выявляет их сюжетные функции, предлагает их классификацию.

Ключевые слова: киргизский фольклор, Манас, эпосоведение, сказитель, мотив сна, мотив видения

Для цитирования: Макаров С.С. Новые исследования киргизской эпической традиции // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3. № 4. С. 138–149. DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-4-138-149

New studies of the Kyrgyz epic tradition

Semen S. Makarov

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, semion.makarov@gmail.com*

Abstract. This paper presents the reviews upon two monographs on Kyrgyz epics, which were published a few years ago in the Republic of Kyrgyzstan in Russian. The first one was written by a researcher and popularizer of the epic “Manas” Talantaaly Bakchiev and is dedicated to the traditional narrators of tales – manaschi. The monograph considers the folklore ideas about the gift of storytelling, the stages in the future storyteller formation and training, as well as some modern aspects of the singing the epic tales. The book summarizes previous studies in that area and contains new ethnographic and biographical data. The second study is dedicated to the motifs of dreams and apparitions of characters in the epic of “Manas”, and was written by the folklorist and literary critic Nelya Bekmukhamedova. Based on a fairly representative set of records, the author of the monograph consistently analyses the means of the text expression and the symbolism of the motifs of dreams and apparitions of the epic characters, identifies their plot functions and proposes their classification.

Keywords: Kirghiz folklore, Manas, epic studies, narrator, motif of dream, motif of apparition.

For citation: Makarov, S.S. (2020), “New studies of the Kyrgyz epic tradition”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 3, no. 4, pp. 138–149, DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-4-138-149

Героический эпос является ярким явлением в киргизском фольклоре. Считается, что именно в этой традиции эпический жанр достиг наиболее масштабной, поэтически развернутой формы. Героический цикл о Манасе примечателен как один из наиболее объемных повествовательных текстов, когда-либо записанных от фольклорного исполнителя (возможно, самый объемный), и представляет интерес для исследователей в различных аспектах. Одновременно с ним в традиции бытовали и более архаичные по своему типу «малые» эпические сказания («Эр Тоштук», «Коджоджаш» и др.). Однако именно крупная эпическая форма в основном была и остается в центре внимания исследователей.

Первой фиксацией киргизского эпоса считается отрывок «Манаса» («Поминки по хану Кокетею»), записанный казахским историком и этнографом-востоковедом Ч.Ч. Валихановым в 1856 г. К ранним относят также записи, сделанные В.В. Радловым в 1862 и 1869 гг. Сегодня имеются значительно более полные

варианты сказителей Сагымбая Орозбакова (1920-е гг., первая часть), Саякбая Каралаева (1968 г., все три части), Жусуп Мамай (1960–80-е гг., все три части). От некоторых сказителей также были записаны продолжения, которые, по сравнению с первыми тремя частями, считаются менее каноничными, они подвержены большому варьированию и в целом не столь разработаны в сюжетном отношении¹.

Российскому читателю хорошо знакомы работы по киргизскому эпосу М.О. Ауэзова, В.М. Жирмунского, Р.З. Кыдырбаевой и др., появившиеся в начале и второй половине прошлого века. Однако об исследованиях последних лет известно несравнимо меньше. Между тем в десятилетия после получения Киргизией независимости исследования фольклора и традиционной культуры в целом в стране значительно интенсифицировались. Вполне закономерно, что эпос сегодня в республике занял место одного из культурных памятников, вокруг которых выстраивается современная этнокультурная идентичность. Манасоведение понимается как отдельная ветвь киргизоведения, разрабатывается главным образом в самой республике (ведущим учреждением в этой области является Центр манасоведения и художественной культуры Национальной академии наук Кыргызской Республики, г. Бишкек). Помимо собственно фольклористического изучения произведения специальная дисциплина о «Манасе» стремится к осмыслению лингвистических, исторических, философских, эстетических и других аспектов бытования памятника. Для современного киргизского эпосоведения в целом характерны разнообразие проблематики, поиск новых, порой неожиданных, подходов к изучению традиционного материала. Предлагаем рецензии на две заметные монографии последних лет по киргизской эпической традиции, написанные на русском языке. В них сочетаются знания и живой опыт носителей традиции с академическим интересом к предмету.

В 2015 г. вышла в свет книга *«Кыргызские эпические сказители»* (Бишкек: Принт-Экспресс, 2015 г. 16,5 печ. л., тираж 500 экз.) Талантаалы Алымбековича Бакчиева, доктора филологических наук, президента Международной ассоциации манасологов, члена экспертной комиссии по делам эпоса «Манас» при Министерстве культуры, информации и туризма Кыргызской Республики. Ее автор известен не только как исследователь эпической традиции киргизов, но и как сказитель, активный участник общественного

¹ Например, от С. Каралаева были записаны сказания «Кенен», «Алымсарык», «Кулансарык», от Ж. Мамай — части «Кененим», «Сейит», «Асылбача-Бекбача», «Самбилек», «Чигитей».

движения, цель которого – сохранение и популяризация эпоса «Манас».

Первая часть монографии содержит подробный очерк истории собирания и изучения трилогии – с момента первых описаний и отрывочных фиксаций, относящихся к XIX в. (Ч.Ч. Валиханов, В.В. Радлов, Б.В. Смирнов), до появления внушительных по объему записей устных сюжетов эпоса и специальных исследований, последовавших с 1920-х гг. (К. Мифтаков, Ы. Абдырахманов, М.О. Ауэзов, В.В. Виноградов, В.М. Жирмунский и др.). В этой же части работы автор предлагает собственное определение манасоведения (одноименный курс был введен в обязательную программу вузов Киргизии). Автор монографии выделяет «досоветский», «советский» и «постсоветский» этапы в его развитии. Таким образом, работа нацелена на ознакомление читателя со сказительской традицией «Манаса» и введение его в круг современных проблем ее изучения. Автор отмечает, что долгое время исследование киргизского эпоса протекало в русле накопления и комментирования текстов, в то время как явлению сказительства уделялось меньше внимания. В этой части работы автор также анализирует традиционные наименования киргизского эпоса и обозначения сказителя и соотносит их с устоявшейся научной терминологией. Исследователь поясняет объем эмных понятий *ырчы*, *жомокчу*, *айтуучу*, последнее из которых, по его замечанию, появилось сравнительно недавно и используется в наиболее общем значении («рассказчик»).

Вторая глава монографии подробно рассматривает традиционные представления киргизов о сказительском даре (*касиет*) и способы его обретения. Здесь автор приводит большое количество сюжетов устной прозы, представленных в основном личными нарративами самих сказителей, которые посвящены теме становления *манасчи*. Основное содержание этих рассказов может быть сведено к кругу следующих характерных представлений:

1) сказительский дар навязывается человеку духами, которые в киргизской традиции представлены центральными персонажами самого эпоса (мотив избранничества); они, как правило, являются к будущему сказителю во время сна;

2) дар наследуется преимущественно по мужской линии;

3) избранник не может отказаться от песенного дара, в противном случае его настигает наказание;

4) дар сказителя можно передать другому человеку, совершив специальный обряд.

Устойчивым содержательным элементом подобных сюжетов, как пишет Т.А. Бакчиев, становится мотив *угощения* будущего сказителя духами-покровителями сказительского дара. При этом исследователь усматривает наличие в традиционных представ-

лениях некоторой корреляции между видом предлагаемого угощения (зерно, молочная пища, песок и пр.), «рангом» духа-покровителя из «мира Манаса» и уровнем обретаемого в результате исполнительского мастерства. По сведениям автора, в таких рассказах встречаются и другие предикаты, описывающие передачу сказительского дара: *дарение* животных, украшений, иных предметов (сущность которых многие хранят в тайне), кроме того – *клеяние* будущего сказителя.

Отдельный параграф книги посвящен сюжетам о «болезни сказителя», имеющей много общих черт с недугом, сопровождающим во многих традициях становление шамана. Т.А. Бакчиев вслед за В.М. Жирмунским, Р.З. Кыдырбаевой, К. Райхлом и другими отмечает наличие большого числа схожих социальных функций у этих традиционных специалистов: манасчи нередко выступали как прорицатели, врачеватели и толкователи снов. В этнографических построениях автор опирается на довольно большое количество типологических параллелей из традиций других тюрко-монгольских народов, касающихся этой и некоторых других тем.

В киргизской традиции существует редко встречающийся культ эпического героя. Ему в разбираемой работе посвящен первый параграф третьей части. Здесь описаны практики жертвоприношения и посещения сказителем-избранником «священных мест» – главным образом мавзолея Манаса в местности Талас (Кыргызская Республика). Т.А. Бакчиев пишет о возможности выделения двух уровней признания нового манасчи: «духовного» («избрание» духами) и «социального» (жертвоприношение, совершаемое локальным сообществом в пользу будущего сказителя, благословление старейшин и духовных наставников).

Далее в работе автор обращается к процессу обучения манасчи. В целом в этом вопросе он следует за концепцией Б.Н. Путилова, выделившего в свое время три типа получения сказительского ремесла: самообучение, влияние семейной традиции и «классический» тип (обучение у мастера в собственном смысле слова) [Путилов 1997, с. 12–44]. Т.А. Бакчиев приводит большое число сведений из биографий киргизских сказителей, иллюстрирующих ее.

В заключительной части работы автор обращается к вопросам прагматики эпоса и к особенностям актуализации мифологии и сказительской традиции эпоса «Манас» в условиях современной социально-политической ситуации в Киргизии. Показателен пример, когда группа сказителей, исполняющих «Манас», по свидетельству автора, смогла остановить второй штурм Дома правительства Кыргызской Республики в дни апрельской революции 2010 г. Исследователь отмечает рост интереса в обществе к авто-

хтонной эпической традиции, актуализацию его консолидирующего значения, а также исчезновение идеологических заслонов в изучении магии и мифологии эпоса.

Впрочем, последнее обстоятельство, судя по следующей части монографии, начинает пониматься несколько буквально. Нам трудно оценить целесообразность и результаты «комплексного исследования», проведенного междисциплинарной группой специалистов по инициативе общественного фонда «Миротворческий центр», описанию которого автор книги уделяет отдельное внимание.

В ходе работы по этому проекту были проведены социологический опрос, а также «биохимический, психологический и нейрофизиологический» эксперименты, направленные на оценку воздействия исполнения эпоса «Манас» на организм человека и неживые объекты. Несколько смущает обращение к метафизическим, по сути, категориям «внутренний мир сказителя», «трансцендентальные функции» эпического текста, «энергетическое поле человека», заявленным здесь как предметы научного исследования. Укажем также на использование в работе в одном ряду с научными исследованиями сочинений из области парапсихологии и эзотерики (Н. Наувальд, К. Мэддэн). Вместе с тем описываемые опыты примечательны как поиск новых подходов к изучению традиционной культуры.

Безусловным достоинством работы является богатый иллюстративный материал – фрагменты из личного архива автора (отрывки из интервью, экспедиционные заметки), а также выдержки из ранних источников, ставших сегодня библиографической редкостью. Стиль изложения в работе, на первый взгляд, может показаться местами излишне комплиментарным, однако если отойти от оценок на этом уровне, вниманию читателя предстает содержательный нарратив о самобытном феномене эпического сказительства.

Монография снабжена информативными приложениями в виде таблиц, последовательно представляющими биографические сведения о киргизских манасчи и их сказительских «школах» (о сказителях-учителях и учениках, даты жизни, места проживания, записанные от них сюжеты). Нет сомнения в том, что книга будет интересна и специалистам, и широкому кругу читателей.

Вторая работа – монография Нели Хамитовны Бекмухамедовой *«Эпос “Манас”: проблемы онейротопики и визионотопики (структура, функции, символика)»* (Бишкек, 2018 г., 25 печ. л., тираж 200 экз.) – посвящена анализу сюжетных мотивов снов и видений героев эпоса. Эти элементы эпического сюжета обобщаются исследовательницей в терминах *онейротопика*, предло-

женным ранее Т.Ф. Теперик [Теперик 2008, с. 9], и по аналогии *визионотопика* соответственно. Автор работы заведует кафедрой методики преподавания русского языка и литературы Ошского государственного университета (г. Ош, Кыргызстан), кандидат филологических наук, доцент.

Исходной для предпринятого исследования стала идея о том, что именно в мотивах снов и видений героев находит выражение основной пласт мифологических представлений сюжета произведения («мифологические образы, фрагменты, мотивировки», с. 9), что, надо отметить, рождает некоторые возражения. Трудно безоговорочно принять и утверждение автора о том, что изучение онейротопики и мотивов видений относится к области *поэтики* эпоса (с. 8). Вместе с тем работа Н.Х. Бекмухамедовой характеризуется основательным изучением имеющихся источников, глубоким владением автором исследуемым материалом.

В тексте монографии в целом прослеживается структура диссертации. Во введении представлено обоснование проблемы, сформулированы цель и задачи исследования, разъяснена научная новизна, дано описание основных источников.

Первая глава под названием «Теоретико-методологические подходы к изучению мотивов снов и видений кыргызского эпоса “Манас”» носит вводный характер и, как это часто бывает в квалификационных работах, содержит историографический обзор литературы по теме. Автор отмечает преемственность своих разысканий с работами А. Лорда и Б.Н. Путилова о структуре устного эпического повествования, Ю.М. Лотмана о «тексте в тексте», Т.Ф. Теперик об онейротопике, Г.Т. Жамгырчиевой, Ж. Орозбековой об особенностях сюжетостроения эпоса «Манас». В главу также включен параграф «Сновидения как феномен культуры. Профессиональные сны и видения шаманов и манасчи». В нем исследовательница указывает на сновидческие и визионерские опыты самих киргизских сказителей, сведения о которых сохранились в памяти традиции и в этнографических описаниях, как на возможный источник соответствующих сюжетных мотивов в тексте трилогии. В заключительных пассажах главы читателю предлагается обзор терминологии, используемой в нарратологии для анализа онейросферы повествовательных произведений, обосновывается выбор используемого инструментария. Непосредственные результаты исследования излагаются в следующих главах монографии.

Глава «Онейротопика эпоса “Манас”» состоит из двух частей. В параграфе «Онейротоп как основной структурный элемент сновидческого мотива» рассматриваются типичные словесные клише, вводящие в повествование *онейротоп* – рассказ

персонажа об увиденном им сне. Исследовательница приводит характерные формулы, оформляющие начало и конец изложения сновидения. Здесь же предлагается классификация «однособытийных» и «многособытийных» снов героев, рассматриваются особенности их текстуального представления. Автор приходит к выводу, что рассказ о сновидении обладает в тексте эпоса довольно четкими границами, характерными формулами начала и конца, связывающими его с другими мотивами повествования. По замечанию исследовательницы, мотив сна может включать в себя характеристику персонаж-сновидца, описания некоторых обрядовых действий, краткие реакции других персонажей на рассказываемый сон. В главе также исследуются сюжетные функции онейротопов. Исследовательница выделяет, в частности, «прогностическую», «сюжетообразующую» и «идеализационно-характерологическую» функции. Если значение последней функции не вызывает у читателя особых вопросов (как отмечает автор монографии, способностью видеть и толковать сны в сюжете эпоса наделены преимущественно центральные персонажи, что, помимо прочего, служит дополнительным указанием на их исключительность), то различие между первыми двумя функциями улавливается не столь очевидно.

Как отмечает Н.Х. Бекмухамедова, все сны, встречающиеся в сюжете «Манаса», – вещие, т. е. несут в себе сообщение о предстоящих в жизни персонажей событиях. В отдельную категорию автор относит ложные рассказы героев о своих сновидениях, которые используются ими для манипулирования другими персонажами. Читатель также найдет в этом параграфе подробное описание всех выявленных автором работы текстовых эпизодов, воплощающих мотивы сновидений героев². В основу их метаописания, как отмечает исследовательница, положено конкретное значение прогностической функции того или иного сновидения.

Поскольку сюжет произведения организуется вокруг ключевых этапов «биографии» эпического героя, то и мотивы снов здесь преимущественно связаны событиями их роста, мужания и т. д. Например, в снах предсказываются рождение Манаса, исходы его будущих военных подвигов, сватовство к «истинной» супруге героя Каныкей. В целом, по замечанию автора работы, онирические мотивы нередко включаются в завязку отдельного сюжета, становясь ее заключительным элементом.

² Преимущественно использованы опубликованные варианты неизвестного сказителя (информанта В. Радлова), С. Каралаева, С. Орозбакова, Ж. Мамай, а также современных сказителей У. Мамбеталиева и Т. Бакчиева.

В следующем параграфе дан подробный разбор символики сновидений. Н.Х. Бекмухамедова анализирует, в частности, образы богатырского оружия и хищной ловчей птицы, стабильно связываемые в сюжете произведения с фигурой Манаса, цветущих деревьев и светил, выступающих, по интерпретации исследовательницы, знаками жизни и воскрешения, улетевшей птицы, упавшего дерева, сломанного оружия, а также атрибутов похоронного ритуала – символами смерти соответственно. Глава завершается рассмотрением структурных типов мотивов сновидений. Автор выделяет мотивы монологической и диалогической организации (во втором типе рассказ персонажа о сновидении дополняется ответной речью толкователя). Каждый из этих видов онейромотива может иметь, согласно предложенной классификации, символическое либо «риторическое» содержание. Смысл сновидения второго типа прозрачен по своему содержанию и часто вкладывается в уста старца-*дубаны*³, являющегося герою. Выделяемые типы сновидений эпических персонажей снабжены многочисленными примерами.

Видения – еще один сюжетный мотив, описывающий ситуации контакта героев эпоса с мифологическими персонажами и некоторыми сакрализуемыми объектами. Их топика и особенности текстового представления рассматриваются автором в третьей главе монографии, проблематизируясь через понятие *визионотоп*.

Н.Х. Бекмухамедова предпринимает попытку выделения начальных и заключительных текстовых маркеров мотива. Установлено, что видения появляются в сюжете, как правило, в ситуациях уединения героя, его углубления в собственные размышления и сопутствующего этому состоянию эмоционального фона. Появление видения нередко предваряется сообщением о внезапном изменении окружающей обстановки, акцентированием зрительных впечатлений героя-визионера, описанием его физического и эмоционального состояния. Своеобразным введением в мотив могут быть и прямые обращения героев к сакральному адресату, и комментарии сказителя. Исследовательница подмечает, что чем современнее сказитель, тем сильнее он подчеркивает необычность опыта видения. В отличие от мотивов сна, все видения в сюжете эпоса однособытийны, а их сюжетная роль связывается, по мысли исследовательницы, с моментами наивысшего эмоционального накала, кульминационной точки в сюжетном развертывании повествования. В главе автор приводит полный перечень эпизодов видений, выявленных им в текстах разных сказителей

³ *Дубана* – кирг. ‘юродивый’, ‘нищий’, а также ‘дервиш’; в эпосе – ‘вещий старец’.

(С. Орозбакова, С. Каралаева, Ж. Мамай, У. Мамбеталиева) – всего 41 эпизод. Эту совокупность исследовательница предлагает классифицировать с опорой на фигурирующие в них ключевые символы, имеющие мифопоэтическую природу.

Автор работы предпринимает попытку соотнести выделяемые смысловые группы образов видений с «архетипами» К. Юнга, избирая его в этом случае в качестве некоторой авторитетной теоретической опоры, что трудно принять в полной мере⁴. Со ссылкой на эту концепцию Н.Х. Бекмухамедова выделяет четыре основные группы видений в сюжете трилогии. Они концентрируются вокруг архетипов *Героя, Отца, Матери, Мудрого старца*. Если первая группа вбирает в себя моделируемые образы «духов» богатырей (Манаса, Семетея, Гульчоро), возникающие в сюжетах еще до их смерти, то ко второй группе автор работы относит символы традиционных покровителей материнства (дерево Байтерек, богиню Ак-Марал). Их введение в сюжет неизменно связывается с образом супруги Манаса Каныкей. Третью группу, по мнению исследовательницы, составляют видения «душ» умерших предков (*арбак*), непосредственно связанных с существующим в традиции культом предков. Символы же четвертой группы, согласно предлагаемой классификации, вырастают из интерференции традиционных (доисламских) и сравнительно более поздних мусульманских представлений о божественном избранничестве. Их выражают фигуры небесных посланников *кырк чилтен*⁵, старца Кызыра, Шай ата, Айкожо, появляющиеся в основном в видениях Манаса и его ближайших соратников.

В четвертой, сравнительной небольшой главе под названием «Эпическая модель мира» автор обращается к некоторым частным вопросам, касающимся сюжетного пространства произведения. Здесь рассматриваются своеобразие темы «Принятие Манасом

⁴ Как известно, учение К. Юнга об архетипах в свое время, во многом благодаря редуccionистскому характеру аргументации и оригинальности идей, стало весьма популярным и повлияло на развитие соответствующих концепций в ряде гуманитарных дисциплин, в том числе в мифологии и литературоведении. Однако вряд ли сегодня можно рассматривать его в качестве надежной теоретической базы уже хотя бы потому, что данная теория не может быть ни сфальсифицирована, ни подтверждена экспериментально.

⁵ *Чилтен*ы (кирг. *кырк чилтен*, ‘сорок чилтен’ов’) – мифологические персонажи, принимающие облик людей или различных животных, показывающиеся и действующие как группа; почитаются среди народов Средней Азии; в эпосе «Манас» чилтены направляют героя, покровительствуют ему.

мусульманской веры» в вариантах сказителя С. Орозбакова и значение мотивов видений в ее развитии. Исследовательница отмечает влияние на эпос средневекового арабского жанра видений, само же преобразование исконных, как она предполагает, мотивов оценивается как его обогащение новыми ситуациями и образами. Ключевое место в видениях Манаса занимает общение героя с сорока чилтенами и старцем Ай Кожо, направляющими его к принятию новой веры. Модификации сюжета эпоса, связанные с принятием ислама, по замечанию автора, способствуют появлению и постепенному превалированию в эпосе идеи о линейности движения времени («исторического» мышления), а также соответствующих пространственных представлений. При этом основу символического языка снов и видений героев эпоса составляют мифы, архаический эпос, традиционные культы и ритуалы. Автор указывает, что таковы, например, мифопоэтические образы дерева Байтерек, богини Ак Марал, душ-*арбак* предков богатырей. Вместе с тем в работе в отношении рассматриваемых мотивов, возможно, хотелось бы видеть несколько более подробный анализ взаимодействия автохтонных и сравнительно поздних сюжетных элементов, возникших под влиянием мусульманской традиции, поскольку сам материал к этому весьма располагает. Работу бы обогатили выходы на этнографические данные о действительных практиках толкования снов и видений, бытовавших в традиции.

Несколько сложна для понимания, на наш взгляд, приводимая в заключительном параграфе работы идея о трихотомии сюжетной картины мира (автор предлагает выделять в ней «эмпирический», «внеэмпирический» и «надэмпирический» уровни). Если речь идет о разграничении реальности яви, сна и видений действительно в сюжете произведения, то следовало бы уделить более пристальное внимание разъяснению смысла такого разделения. Не вполне ясно в работе выглядят и апелляции к понятиям «коллективное» / «национальное сознание» (носителей традиции), а также «древняя мифология», приводимые *a priori*. Представленные без уточнения вкладываемого в них содержания, они выглядят как внешние исследовательские конструкты, не всегда проясняющие суть дела.

Сказанное, впрочем, не умаляет неоспоримых достоинств исследования. Обращает на себя внимание, как уже было отмечено, прекрасное владение автора материалом. Основные выводы в работе строятся на рассмотрении конкретных текстов, сопровождаются цитатами и ссылками на источники, хотя местами анализ текста перекрывается его пересказом. Следует отдельно отметить удачные построочные переводы фольклорных текстов,

во многих случаях выполнены самим автором. Монография снабжена достаточным научным аппаратом, содержит приложения в виде таблиц и краткий словарь используемых терминов. Работа будет интересна как фольклористам-эпосоведам, так и литературоведам.

Литература

- Путилов 1997 – *Путилов Б.Н.* Эпическое сказительство: Типология и этническая специфика. М.: Вост. лит., 1997. 297 с.
- Теперик 2008 – *Теперик Т.Ф.* Поэтика сновидения в античном эпосе: на материале поэм Гомера, Аполлония Родосского, Вергилия, Лукана: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2008. 46 с.

References

- Putilov, B.N. (1997), *Epicheskoe skazitel'stvo: Tipologiya i etnicheskaya spetsifika* [Epic Storytelling. Typology and Ethnic Specifics]. Vostochnaya literaturna, Moscow, Russia.
- Teperik, T.F. (2008), *Poetika snovideniya v antichnom epose (na materiale poem Gomera, Apolloniia Rodosskogo, Vergiliia, Lukana)* [Poetics of Dreams in the Ancient Epic (based on the Poems of Homer, Apollonius of Rhodes, Virgil, Lucan)], Abstract of D. Sc. Dissertation. Philology. Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia.

Информация об авторе

Семен С. Макаров, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, д. 25а; *semion.makarov@gmail.com*

Information about the author

Semen S. Makarov, Cand. of Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 25a, Povarskaya St., Moscow, Russia, 121069; *semion.makarov@gmail.com*